

Мастер инь-ян пояснил:

— Белый Дракон — это та самая белая змея с рогами, которую вы видели сегодня. Змею еще называют малым драконом, отсюда и название. А Желтый Волк — это хуанпицзы, Бессмертный Хуан, ласка. Если идти из деревни в сторону Дикого горного лога, то перед самым логом будет заросшая травой канава. Раньше там текла вода, это был небольшой ручей, который называли Лолунгоу. По эту сторону Лолунгоу — деревня Люпин, а за ней уже начинается Дикий горный лог. Пока существует даосская обитель Баоань, то, что сидит в Колодце Желтых Источников, не может выбраться наружу. Хуанпицзы и Белый Дракон заперты в логу и не могут проникнуть в деревню.

Услышав такое, Чжуан Сяошэн невольно вспомнила ту ядовитую белую змею с рогами, похожими на гадюchy, и подумала о маншаньской копьеголовой змее. Она про себя отметила: если бы об этом узнали ученые, это стало бы открытием нового вида, эндемичного для данного региона. Однако деревня находится так близко к логу, и за все эти годы никто из сельчан не видел подобного Белого Дракона — это казалось странным и немыслимым. Ежегодно открывают новые виды животных, и в обнаружении новой змеи нет ничего удивительного, но она была уверена: до того как мир узнал о маншаньской копьеголовой змее, местные жители наверняка видели ее, просто не подозревали о ее уникальности. А вот эта белая змея будто возникла из ниоткуда, и тот факт, что деревенские никогда ее не встречали, был крайне подозрителен. Поразмыслив, она спросила:

— Дедушка Ин, почему нужно держать Белого Дракона и Желтых Волков в логу и не пускать в деревню? Чтобы защитить людей?

Мастер инь-ян ответил:

— У Белого Дракона смертельный яд, укус его не лечится. Он может внезапно прыгнуть с дерева, и защититься от него невозможно. Нас в деревне и так немного, если еще и змеи с волками начнут бесчинствовать, жизни нам не будет. Поэтому и построили обитель Баоань, провели границу по Лолунгоу, чтобы они не переходили черту. Они в логу, мы в деревне — живем, не мешая друг другу. Если человек пойдет в лог и погибнет — это его дело, хоронить не станем. А если хуанпицзы или Белый Дракон перейдут Лолунгоу, то долго не проживут. — Он тяжело вздохнул и добавил: — Обитель Баоань разрушили пятьдесят лет назад, старую иву сожгли дотла, а теперь не стало и даоса Сюя. Боюсь, больше некому усмирять этих тварей.

Сказав это, он посмотрел на Лу Угуй. В его взгляде промелькнула надежда, сменившаяся безнадежным вздохом.

Лу Угуй спросила:

— Мой дедушка был очень сильным? Настоящим мастером?

Мастер инь-ян, возмущенный таким сомнением, вытаращил глаза и рявкнул:

— Твой дед одной ногой стоял в мире живых, другой — в мире мертвых, он даже дракона убил ударом божественного грома!

Чжуан Сяошэн едва сдержалась, чтобы не прыснуть.

Лу Угуй невозмутимо произнесла:

— Ого. А как он его ударил?

Мастер инь-ян сердито выпалил:

— Откуда мне знать? Я же не видел этого своими глазами!

Лу Угуй с любопытством уточнила:

— Если ты не видел, откуда знаешь, что дедушка убил дракона?

Мастер инь-ян отмахнулся:

— С тобой, глупышкой, невозможно разговаривать!

Лу Угуй решила, что спорить о своей глупости с тем, кто ее так называет, — занятие по-настоящему глупое, поэтому она просто игнорировала подобных людей. Она поднялась, пересчитала вещи, оставшиеся от деда, и, прижимая их к груди, как величайшее сокровище, унесла в свою комнату.

Мастер инь-ян, увидев это, оживился, проследовал за ней и спросил:

— Эр-я, ты умеешь пользоваться этими артефактами?

Лу Угуй подумала: если скажет, что умеет и часто спускается в Колодец Желтых Источников, мастер инь-ян наверняка решит, что она снова несет бред или хвастается. Но если скажет, что не умеет, он может попытаться забрать или выкупить даосские инструменты, которые ему самому очень нужны. Подумав, она с серьезным видом ответила:

— Это наследство моего дедушки, я должна беречь его!

Она посмотрела на мастера так, будто он был вором, и тот в ярости вышел из комнаты.

Как только мастер удалился, Лу Угуй быстро закрыла дверь на засов, достала из шкафа рюкзак, купленный сестрой Сяошэн, и начала перекладывать туда артефакты и талисманы. Когда ей снились кошмары — нет, когда она спускалась в Колодец, — дедушка учил ее пользоваться этими вещами и сам показывал, как они работают.

Пересчитав всё, она обнаружила, что кое-чего не хватает. Она перерыла весь старый сундук, даже разобрала его на доски, но так и не нашла меч из громового персикового дерева, который начинал светиться красным от капли крови, и гвозди из зизифуса «Семь звезд». Вспоминая тот день, она поняла: она видела, как дедушка использовал их, когда они убегали от чудовищ. Тогда он выставил магический строй, чтобы задержать погоню. Значит, они остались в Колодце Желтых Источников!

Лу Угуй пыталась восстановить события того дня. Память была обрывочной: она помнила, как несла дедушку на спине сквозь узкие расщелины, похожие на угольные пласты, помнила, как он создавал защиту, помнила, как карабкалась вверх, видя в просвете колодца небо, освещенное луной. Остальные воспоминания были туманными. Странно, но когда она несла

деда, то не чувствовала тяжести, бежала долго и далеко, но не ощущала усталости. Если бы это был сон, все было бы логично, но это происходило наяву.

Лу Угуй не могла найти объяснения. Она даже не могла списать всё на состояние отделения души: если бы душа покинула тело, то их физические оболочки остались бы в мире живых, а значит, на теле деда не могло быть столько ран, а ее одежда не была бы пропитана его кровью.

Она сидела в комнате, погруженная в раздумья. Вдруг снаружи послышался голос Чжуан Сяошэн:

— Дедушка Ин, пятьдесят лет назад, когда сносили обитель Баоань, случилось что-то серьезное?

Мастер инь-ян спросил:

— Почему ты спрашиваешь?

Чжуан Сяошэн ответила:

— Вы так осторожно говорили об этом, помня все детали, что, должно быть, произошло нечто, оставившее глубокий след.

Мастер инь-ян вздохнул:

— Не зря говорят, что ты лучшая среди молодежи в нашей деревне.

— Значит, что-то было? — спросила она.

Мастер инь-ян начал рассказ:

— Ивы притягивают инь, а та ива росла прямо у Колодца Желтых Источников. За сотни лет она обрела дух и стала нечистью. Когда люди решили ее срубить, из ствола вместо сока потекла кровь. — Он помолчал, а затем продолжил: — Позже они сожгли ее. Чжэн Гуйпин, который руководил этим, в ту же ночь увидел кошмар и умер от страха. Его сын, Чжэн Даху, был жестоким человеком. Он обвинил во всем даоса Сюя, выколол ему глаз и всячески измывался. После этого даос Сюй часто повторял, что люди страшнее призраков.

Спустя долгое время мастер инь-ян снова тяжело вздохнул:

— С тех пор как срубили иву, фэншуй в деревне портится с каждым днем, людей становится всё меньше, земли пустуют. После смерти даоса Сюя некому усмирять тварей в логу, они снова вырвались на свободу. Скоро эта деревня станет непригодной для жизни. Уезжайте, молодые люди, пока можете, снаружи мир большой и свободный.

Чжуан Сяошэн спросила:

— А в деревне сейчас нет людей по фамилии Чжэн? Они уехали?

Мастер инь-ян отрезал:

— Давно вымерли.

— В те времена много подобного случалось? — снова спросила она.

— Много! Бессмертную Ло из нижней деревни затравили до смерти за то, что поклонялась Госпоже Хуан, а алтарь разбили. А та семья, что руководила этим... Эх, не будем об этом! Иди займись делами, мне нужно провести обряд для даоса Сюя!

Услышав это, Лу Угуй вспомнила, что существа, обретающие дух, очень злопамятны. Вчера приходила та старуха-ласка, сегодня она сама ударила змею... Что, если они вернуться? Она поспешно достала талисманы, расклеила их по всем комнатам, но этого показалось мало. Она приставила лестницу и спрятала талисманы грома на балках в поминальном зале, в своей спальне и в спальне дедушки. Мастер инь-ян, увидев это, пришел в ярость, бросил обряд и погнался за ней, обзывая транжирой.

Лу Угуй его игнорировала. Хуанпицзы и змея придут не к нему, вот он и не волнуется, а дедушки больше нет, ей нужно защищать себя самой. Талисманы уже активированы, их нет смысла снимать. Мастер ругался, но мог лишь бессильно смотреть на нее. Лу Угуй привыкла к его крикам: «транжира» звучало куда лучше, чем «дурочка», «лунатик» или «приманка для призраков».

Во двор въехала машина, и громкие рыдания прервали перепалку.

Лу Угуй услышала голос жены Лао Цая:

— Мне всё равно! Мой Лао Цай погиб, работая у вас, вы должны нести ответственность! По совести, даже через суд, это компенсация за производственную травму! Если не заплатите, я не уйду! Ой, Лао Цай...

— Чжуан Фуцин, выходи! Мы из одной деревни, нельзя же так подставлять людей...

Жена Чжуан Фуцина тоже заголосила.

Лу Угуй поспешно спрятала рюкзак с талисманами под одеяло и вышла во двор. Там собралось человек пятнадцать. У жены Чжуан Фуцина волосы были в беспорядке, слезы смешались с грязью на лице — вылитый призрак. Жена Лао Цая вцепилась в нее мертвой хваткой. Семь-восемь мужчин выгружали тело Лао Цая из грузовичка и тащили в поминальный зал. Лу Угуй увидела, что они волокут покойника за руки и ноги, даже не потрудившись положить на доску. Она из добрых побуждений указала на оставшуюся дверную панель:

— Возьмите эту.

Жена Чжуан Фуцина внезапно замолчала, а потом взвыла так, что это можно было назвать оглушительным.

Мастер инь-ян с суровым лицом преградил путь к поминальному залу:

— Хорошенько подумайте. Внести тело легко, а вынести — трудно. Я предупреждал его:ловишь столько змей, однажды они отомстят. Не слушал. Кто виноват в его судьбе?

Двадцатилетний парень, тащивший тело, упрямо крикнул:

— С чего бы это трудно? Уступите!

Мастер инь-ян отступил в сторону:

— Я предупредил. Хотите — вносите.

Парень выкрикнул:

— Старый дурак, кого ты пугаешь? Идем, несите!

Мужчина постарше одернул парня, а потом заискивающе обратился к мастеру:

— Дядя Ин, ну поймите, Лао Цай работал на Фуцина и умер у него дома. Фуцин не хочет отвечать, вот нам и пришлось привезти тело, чтобы добиться справедливости.

Лу Угуй наконец поняла и сказала:

— Вы ошиблись, это не дом Чжуан Фуцина, это мой дом. Чжуан Фуцин просто помогал.

Тот мужчина отрезал:

— Кто не знает, что ты дочь Чжуан Фуцина? Твой дом и его — не одно и то же? Отойди, дуручка, не мешай.

Услышав слово «дуручка», Лу Угуй потеряла к нему интерес и отошла.

— Идем, несите внутрь.

— Пойдите, а почему здесь столько талисманов? В полдень их не было.

Никто не ответил. Жена Чжуан Фуцина продолжала рыдать.

Они внесли тело в зал, сняли дверную панель и положили Лао Цая рядом с гробом даоса Сюя.

Мастер инь-ян посмотрел на талисманы на балках, потом на небо, кашлянул и сказал:

— Фуцин, иди на гору, позови моих учеников и своего шурина, помогите перенести гроб даоса Сюя во двор. Здесь больше нельзя устраивать поминальный зал, нужно успеть до заката. Скорее!

Чжуан Фуцин ответил:

— Хорошо! — и бросился прочь.

— Осторожнее на дороге! — крикнул ему вслед мастер.

Жена Чжуан Фуцина причитала:

— Сяошэн, Сяошэн, что же делать? Семья Лао Цая требует двадцать тысяч! Где нам взять столько денег?

Жена Лао Цая кричала:

— Как это нет? Ваша Сяошэн зарабатывает больше двадцати тысяч в год! Жизнь моего Лао Цая что, дешевле? Цай Фэнь, говори по совести! Не заплатите — мы будем жить у вас, пока не отдадите!

Мастер инь-ян проворчал:

— Деньги им важнее жизни, — и ушел в комнату продолжать обряд, чтобы не видеть этого безобразия. Заметив Лу Угуй, он крикнул:

— Эр-я, чего стоишь? Иди, выполняй свой долг скорбящей дочери.

Лу Угуй вошла в зал, увидела толпу и растерянно посмотрела на мастера:

— Они все живут у нас. Если сегодня ночью снова начнется шум, завтра в нашем доме места не хватит. Столько людей, даже если мы разберем все двери, их нигде будет уложить.

Толпа, собравшаяся здесь, чтобы вымогать деньги, заволновалась. Кто-то заорал:

— Чего бояться? Она просто хочет нас напугать! Мы не уйдем! Нас много, у нас много жизненной энергии, даже призраки нас боятся!

Другие принялись поносить ее, называя дурой и проклиная. Лу Угуй просто перестала их замечать.

Мастер инь-ян, игнорируя их, сказал Лу Угуй:

— Твой дед погиб насильственной смертью, прямо у колодца, поэтому я хотел проводить обряд семь дней. Но за эти два дня столько случилось... Боюсь, если тянуть дальше, от него даже костей не останется. Завтра хороший час для погребения. Обычно это ложится бременем на потомков, но ты не носишь его фамилию и не родственница по крови, даже ученицей тебя едва ли можно назвать, так что тебя это не затронет. Хочу завтра похоронить деда. Что скажешь?

Лу Угуй обрадовалась: она сама насчитала, что завтра — подходящий день.

— А после похорон я смогу есть мясо? А то запах еды кругом, а я ем только овощи и маринованные продукты, это невыносимо.

Лицо мастера инь-ян стало таким, будто он сам только что потерял деда. Он в ярости закричал:

— Есть, есть, только об этом и думаешь! Даос Сюй вырастил тебя, а ты даже поплакать нормально не можешь!

Лу Угуй опустила голову, подумав про себя: «Ну не плачется мне». Видя, как мастер багровеет,

она испугалась, что его хватит удар, и молча смотрела на него, поджав губы. Наконец мастер сдался и сказал, что пора забивать гвозди в гроб. Лу Угуй удивилась:

— Почему не забили сразу, во время большого омовения?

Если бы гроб был закрыт раньше, та белая змея не упала бы с балки прямо в гроб к дедушке, перепугав всех.

Мастер инь-ян удивленно поднял брови:

— Ты и в этом разбираешься?

— Немного, — ответила она.

— По правилам — да, но твой дед — не простой человек. Я хотел оставить гроб открытым на семь дней. Если бы я забил гвозди, он не смог бы подняться, если бы захотел прийти к тебе ночью, и тебе пришлось бы самой выдирать гвозди.

Лу Угуй помрачнела:

— Я ждала его всю ночь, он не пришел. Не забивай, вдруг он сегодня вернется?

— Если вернется — вытащишь гвозди. А сейчас перенесем гроб во двор, нельзя оставлять его под открытым небом. — Он хмыкнул: — А ты не такая уж дуручка!

«Я никогда и не была дуручкой», — подумала Лу Угуй.

Мастер велел ей попрощаться с дедом и спросил, нет ли у нее каких вещей для погребения. Она подумала: семья бедная, ничего ценного нет, а артефакты деда она отдавать не хотела — боялась, что могилу разграбят. Она покачала головой.

— Скупердяйка! — выругался мастер и велел ей насыпать в гроб немного зерна. Она добавила туда еще благовоний и ритуальных денег, на что мастер закатил глаза. Он торопливо прочитал погребальные заклинания и забил гвозди. Ученики еще не пришли, музыки не было, и Лу Угуй снова скептически посмотрела на мастера.

Забив гвозди, мастер велел ей строить навес во дворе. У них был брезент, она привязала его к карнизу дома и к бамбуковым шестам, закрепленным на столе. Навес был готов.

Как раз подросли Чжуан Фуцин с учениками мастера и рабочими. Под руководством мастера они перенесли поминальный зал во двор, оставив семью Лао Цая в гостинной.

Лу Угуй видела, что те в ярости. Кто-то кричал, что их пытаются запугать, кто-то хотел наброситься на Чжуан Фуцина, но их остановила Чжуан Сяошэн. Она встала перед отцом с такой решимостью, какой Лу Угуй в ней еще не видела:

— Если кто-то из вас тронет его, клянусь, вы не получите ни копейки. Эр-я удочерена даосом Сюем, ее документы приписаны к его дому, а не к нашему. Ни с юридической, ни с традиционной точки зрения она не имеет к нам отношения. Лао Цай погиб в доме даоса Сюя, у вас нет причин требовать деньги с нас. Если продолжите этот шум, я подам встречный иск о

вымогательстве, и в полиции вам же будет хуже! Все знают об отношениях нашей семьи и Эр-я, поэтому из гуманных соображений я готова оплатить часть похоронных расходов, но не больше.

<http://bllate.org/book/19149/1880536>